

Глава 15

Чжу Цинчэнь принялся осторожно, крошечными глотками, отхлебывать бульон, не забывая и про нежное мясо.

[Император тебя четвертует] — вкрадчиво напомнила Система.

«Все мы смертны, — серьезно ответил юноша, продолжая усердно жевать. — А голубь на редкость хорош. Наваристый»

Он всегда был таким: стоило поднести к губам что-то вкусное, как все тревоги мира мгновенно отступали на второй план.

Когда с завтраком было покончено, во дворец прибыли чиновники из Павильона хранения книг. После обмена положенными приветствиями все приступили к обсуждению экзаменационных тем. Государь восседал во главе стола, предоставив ученым спорить между собой; сам он не проронил ни слова, и оставалось лишь гадать, прислушивается ли он вообще к их беседе.

Придумать достойную тему в нынешние времена было задачей не из легких. Государственные экзамены проводились каждые три года, и казалось, что все возможные вопросы за века были исчерпаны. Повторяться же было нельзя: если кто-то из учеников уже встречал подобную тему раньше, это дало бы ему несправедливое преимущество. Поэтому, едва нащупав удачную мысль, наставники тут же принимались зарываться в старые свитки, проверяя, не использовалась ли она прежде.

Именно из-за этой необходимости в кропотливом поиске их и вызывали во дворец за несколько дней до начала испытаний. Чжу Цинчэню, как самому младшему, поручили ту самую нудную работу — сверку с архивами.

Он смиренно устроился в углу за столом, перед которым висели стопки свитков с работами прошлых лет — гора документов была едва ли не выше самого наставника. Вид у юноши при этом был в высшей степени отрешенный.

В какой-то момент один из старых ученых окликнул его:

— Сяо Чжу, проверь-ка, не встречалась ли прежде цитата «Когда правитель проявляет добродетель в управлении».

Чжу Цинчэнь поднял голову от бумаг:

— Припоминаю нечто подобное. Сейчас поищу.

Засучив рукава, он принялся изучать корешки свитков и, выудив нужный том тридцатилетней давности, попытался вытянуть его из общей массы. Но не успел он и пальцем шевельнуть, как вся эта бумажная гора угрожающе зашаталась.

— Ой! — юноша в испуге раскинул руки, пытаясь удержать лавину.

Он изо всех сил старался выправить стопку, но свитков было слишком много, они громоздились до самого потолка и теперь один за другим начали осыпаться на пол. Остальные наставники, посмеиваясь, поспешили на помощь.

— Сяо Чжу, держи крепче!

— Не держится! — выдохнул юноша, подаваясь всем телом вперед и едва не переваливаясь через стол под тяжестью архивов. — Не смейтесь, помогите же скорее!

— Идем, идем. Ну ты и бедолага, право слово.

Ученые подхватили его под руки и вытянули из-под бумажного завала. Вернувшись на место, Чжу Цинчэнь всё же отыскал нужный свиток и, развернув его, торжественно продемонстрировал коллегам:

— Вот, видите? Я же говорил, что тема про добродетель в управлении уже была.

Сверху раздался тихий, едва различимый смешок. Чжу Цинчэню не нужно было поднимать глаз, чтобы понять: Государь-самодур снова над ним потешается.

До начала весенних экзаменов оставалось меньше пяти дней.

Лю Ань оставил Пэй Сюаню своего слугу — расторопного и на редкость хваткого малого. Всего за пару дней тот привел дела в винной лавке в такой идеальный порядок, что Пэй Сюаню больше не нужно было просиживать за конторкой, сводя счета. Теперь он мог целиком посвятить себя книгам, внося последние штрихи в подготовку.

В тот день князь Цзин снова отправился за город на охоту в сопровождении шумной свиты. Ближе к полудню они решили сделать привал и свернули к лавке семьи Пэй. Его Высочество соскочил с седла и небрежно бросил поводья подоспевшему конюшему.

Обычно в такие моменты Пэй Сюань уже бежал навстречу, чтобы поприветствовать высокого гостя. Однако сегодня принц прождал у порога некоторое время, прежде чем к нему вышел лишь незнакомый слуга.

Тот расплылся в вежливой улыбке:

— Прошу почтенных господ проходить внутрь.

Князь Цзин нахмурился и, шагнув за порог, бросил сквозь зубы:

— Что, у лавки сменился хозяин?

— Никак нет, я лишь помогаю по хозяйству. Нашему молодому господину скоро держать экзамен, он сейчас крайне занят.

— Вот оно что, — вельможа расположился за столом. — Сходи и доложи ему, что прибыл князь Цзин.

Слуга замялся, изобразив на лице крайнее смущение:

— Ваше Высочество, господин сейчас так погружен в учение, что даже родная матушка не смеет его беспокоить. Как же я...

Принц помедлил, а затем сухо обронил:

— В таком случае не стоит.

— Слушаюсь, — помощник с облегчением вздохнул. — Тогда я прикажу подать вина и закусок.

Взгляд князя Цзина потемнел. С тех пор как они с Пэй Сюанем неласково расстались в этой лавке, он давно не видел юношу. Прежде тот был полон благодарности за покровительство и казался человеком, которого легко можно прибрать к рукам.

«Всё этот Чжу Цинчэнь... Совсем сбил парня с пути»

В последнее время мысли об ученике Чжу вызывали в сердце князя странное, щемящее беспокойство. Он и сам не понимал почему, но на фоне тех заносчивых и строптивых литераторов Пэй Сюань казался глотком свежего воздуха. Опрятный, добронравный и всегда готовый одарить собеседника приветливой улыбкой.

А главное — он был из низов. В его глазах принц был не просто важным чиновником, а спасителем, поддерживающим семейное дело, величественным господином, а вовсе не строгим наставником, каким он представлялся перед Чжу Цинчэнем.

Князю вдруг стало ясно, как дорог ему этот юноша. Что ж, раз сегодня увидеться не удалось,

придется подождать оглашения списков и посмотреть, какое место тот займет.

Отужинав, Его Высочество перед уходом выложил на стол тяжелый слиток золота.

— Ваше Высочество, это... — испуганно пролепетал слуга.

— Это не тебе, — отрезал князь. — Передай своему господину. Скажи, что это от князя Цзина. Пусть берет на текущие нужды, а если не хватит — пусть шлет в мою резиденцию. А когда он станет чиновником при дворе, пусть просто помнит о моей доброте.

Слуга замялся, пытаясь вернуть золото:

— Прошу вас, Ваше Высочество, обождите. Я всё же позову господина.

— Не стоит, — князь придал лицу благородное выражение. — Ему предстоят экзамены, а это всегда требует немалых трат. Забирай.

— Не смею, если господин узнает, мне не сносить головы.

Слуга решительно вложил слиток обратно в руку гостя и поспешно скрылся. Когда он пересказал всё Пэй Сюаню, тот, разумеется, наотрез отказался принимать дар и вынужден был выйти сам, чтобы лично принести извинения.

Видя такую непоколебимость, князю Цзину пришлось отступить.

— Что ж, я сохраню его для тебя. И в тот день, когда твое имя украсит золотой список, я на это самое золото закажу пир в твою честь в Башне созерцания прилива.

Пэй Сюань лишь низко поклонился, не проронив ни слова. Перед тем как сесть на коня, князь ободряюще похлопал его по плечу, и юноша невольно вздрогнул, едва заметно отстранившись.

Князь Цзин ускакал, преисполненный довольства собой. Пока Чжу Цинчэнь заперт во дворце, он может приходиться к Пэй Сюаню когда вздумается.

В лавке юноша брезгливо отряхнул рукав и вернулся к себе в комнату. Визит принца выбил его из колеи, в мыслях воцарилось беспокойство. Он вышел на задний двор и, закатав рукава, с силой выполнил два комплекса упражнений из кулачного искусства.

«Учитель говорил: экзамен — это испытание не только ума, но и тела. Я должен быть крепок»

Наставления Чжу Цинчэня он хранил в самом сердце.

Вечером того же дня слуга, помогавший в лавке, по обыкновению отправился с докладом в поместье Лю. Лю Ань сидел за столом, просматривая свежее сочинение.

— Сегодня в винную лавку приезжал князь Цзин, — доложил слуга.

Хозяин дома едва заметно приподнял бровь:

— И что же?

— Он требовал встречи с господином Пэй, но я его не пустил. Тогда он пытался навязать Пэй Сюаню слиток золота.

— И тот взял?

— Разумеется, нет. Господину Пэй пришлось выйти, чтобы проводить незваного гостя.

Лю Ань холодно усмехнулся. Князь Цзин в своем репертуаре... Стоило учителю скрыться за дворцовыми стенами, как он тут же потерял всякое приличие. О чем он только думает?

— Пэй Сюань потратил четверть часа на пустые разговоры, — негромко произнес Лю Ань. — Значит, у меня было на столько же больше времени для чтения. Мои шансы превзойти его на экзамене возросли ровно на эту долю.

Слуга лишь молча подивился: «В этом весь наш господин».

— Ступай обратно, — добавил Лю Ань после недолгого молчания. — Если этот князь заявится снова, повесь на дверь Пэй Сюаня замок. Запри его в комнате. А если кто спросит — говори, что это мой приказ. Старший ученик — всё равно что старший брат, а старший брат — как отец.

— Слушаюсь, — помощник внес поправку: — Если князь Цзин придет опять, я немедленно извещу вас, господин.

Лю Ань, не отрываясь от текста, коротко обронил:

— Иди.

Весь день ученые трудились не покладая рук и лишь к вечеру утвердили темы первого дня испытаний. Чжу Цинчэнь сел за переписывание чистовиков. Когда всё было готово, он первым делом представил свитки на подпись Государю. Ли Юэ бегло ознакомился с текстом, после чего с него сняли копии: оригиналы отправились в архив, а дубликаты — в дворцовую печатню.

Так в трудах прошли несколько дней, и к шестому февраля все экзаменационные задания были окончательно утверждены. Накануне весенних испытаний Чжу Цинчэнь, совершив омовение и воскурив благовония, уселся перед статуэткой бодхисаттвы Манджушри. Сложив ладони и зажмурившись, он принялся истово нашептывать:

— Хоть бы в золотой список... хоть бы в золотой список...

[А почему ты не на коленях? Разве это не было бы более искренне?] — полюбопытствовала Система.

«Ноги затекли, — резонно возразил юноша. — И вообще, я вчера не выспался»

«...»

Чжу Цинчэнь продолжал бормотать:

— Великий бодхисаттва, молю, пусть Пэй Сюань благополучно сдаст весенние экзамены, а Лю Ань прославит свое имя в списках...

Спустя добрую четверть часа он открыл глаза, взял со стола черепаший панцирь и, подняв его высоко над головой, принялся трясти — монетки внутри звонко залязгали.

[Научные данные говорят, что это не имеет отношения к буддизму] — заметила Система. — [Смешивать такие вещи — значит проявлять неуважение к бодхисаттве]

«Глупости, — не смутился Чжу Цинчэнь. — Разве бодхисаттву заботят такие мелочи? Чем больше богов спросишь, тем надежнее»

Впрочем, поразмыслив, он всё же повернулся к статуэтке спиной.

«Так бодхисаттва не увидит гадания»

С сухим стуком три монеты выпали на пол, сложившись в гексаграмму. Чжу Цинчэнь приник к коврику и палочкой поправил их положение. Видимо, результат его не устроил, потому что он быстро подобрал монеты и запихнул их обратно в панцирь.

— Конфуций не говорил о духах и чудесах. Начнем сначала, этот раз не считается.

В это же время другие старые наставники тоже заперлись в своих покоях: кто гадал, кто читал сутры, а кто пытался успеть всё сразу. Учителя волновались едва ли не сильнее учеников. Лишенные возможности связаться с внешним миром, они томились в неизвестности, и это лишь подстегивало их тревогу.

За ночь Чжу Цинчэнь успел погадать десятки раз — сначала на полу, потом в постели, пока наконец не уснул, прижимая к груди заветный черепаший панцирь.

На рассвете его разбудил голос евнуха Яна:

— Наставник Чжу, по милости Государя ученым дозволено подняться на надвратную башню, дабы увидеть, как ученики входят в экзаменационные врата.

Юноша сонно потер глаза:

— М-м? Правда?

— Истинная правда. Поспешите, наставник.

— Сейчас!

Чжу Цинчэнь радостно откинул одеяло, и в ту же секунду панцирь с монетами с грохотом посыпался на пол. Юноша замер, а евнух Ян, взглянув на выпавшие монеты, с улыбкой произнес:

— Это же знак величайшей удачи. Собирайтесь скорее.

— Да! — Чжу Цинчэнь схватил одежду. — Я мигом!

Евнух со смешком вышел из комнаты. Юноша умылся в мгновение ока и вылетел наружу, словно бумажный змей на ветру. Пробежав немного, он увидел Императора, застывшего на каменных ступенях.

Чжу Цинчэнь замедлил шаг и поклонился:

— Ваше Величество.

Ли Юэ начал спускаться:

— Идем.

— А как же остальные наставники? — замялся юноша.

— Они еще не поднялись. А ученики уже заходят.

— Понятно.

Вслед за Государем Чжу Цинчэнь поднялся на городскую стену. Экзаменационный пункт был виден отсюда как на ладони. У ворот под охраной стражи уже выстроилась длинная очередь из молодых людей с книжными ящиками и узлами за спиной. Каждого тщательно обыскивали в отдельных кабинках.

Юноша, стоя за спиной Ли Юэ, украдкой приподнялся на цыпочках, желая рассмотреть всё получше. Государь, не оборачиваясь, чуть сдвинулся в сторону, открывая обзор.

Чжу Цинчэнь затаил дыхание. Экипаж семьи Лю застрял в толпе, не в силах проехать к самым дверям. Лю Ань вышел из кареты и перебросился парой слов с кем-то внутри. Вскоре показалась и повозка, запряженная осликом — это Госпожа Чэнь привезла Пэй Сюаня. Юноша прыгнул на землю и вместе с Лю Анем направился к воротам.

На лице Чжу Цинчэня заиграла мягкая улыбка. Слава богу, успели вовремя.

Вдруг Император спросил:

— Это те двое — твои ученики?

— Да, — юноша кивнул. — Мои.

Он непроизвольно поднял руку, желая помахать им, но тут же вспомнил о запрете на связь с внешним миром и, бросив испуганный взгляд на Ли Юэ, поспешно опустил её. Откашлявшись, он с самым невозмутимым видом добавил:

— Я их довольно давно не видел.

«Я просто хотел поздороваться, никакой передачи сведений»

Государь мельком глянул на него и вдруг сделал шаг вперед, полностью заслонив обзор. Время вышло, смотреть больше не на что.

«Ну и жадина же этот Император!»

Впрочем, Лю Ань и Пэй Сюань к тому времени уже скрылись в дверях.

— Я слышал, — снова заговорил Государь, — будто этот Пэй Сюань водит дружбу с князем Цзином. Это тоже твоих рук дело?

Юноша мгновенно подобрался, его глаза округлились:

— Ни в коем случае! Это всё козни князя...

«Соблазнил... — хотел было сказать он, но вовремя прикусил язык. — Нет, не то слово»

— Я всегда учил своих подопечных быть верными слугами престола, радеть о народе и беззаветно преданно служить Государю. Пэй Сюань и князь Цзин связаны лишь обычными делами, и мой ученик никогда не принимал от него милостей.

Ли Юэ опустил взгляд, пристально вглядываясь в его лицо:

— Вот как?

Зная о подозрительности монарха, Чжу Цинчэнь поспешно склонился в глубоком поклоне:

— Я готов ручаться за Пэй Сюаня головой.

Казалось, Император остался недоволен. Его голос прозвучал как-то странно:

— Ручаешься за него? Неужели он тебе так дорог?

— Да, — юноша чуть приподнял голову. — И если Ваше Величество считает, что мое слово ничего не стоит, то другие наставники подтвердят мои слова.

— Я не это имел в виду, — вздохнул Ли Юэ. Он протянул руку, желая помочь ему подняться, но не успел коснуться ладони юноши, как его словно чем-то обожгло.

Государь едва заметно повернул голову. Маленький алый шарик Системы, отлетев подальше, заверещал:

[Внимание, носитель! Соблюдайте роль!]

[Не раскрывайте себя!]

[Вы — тиран, тиран не должен помогать министрам!..]

Голос становился всё тише и слабее. Ли Юэ, помрачнев, резким движением преодолел невидимую преграду и крепко схватил Чжу Цинчэня за руку, рывком поднимая его на ноги.

Наставник замер в ужасе.

«Что он делает?! Система, спасай! Меня сейчас уволокут!»

<http://bllate.org/book/15820/1427344>